

Выступление Председателя Санкт-Петербургской организации
С.О. СНЕЖКИНА:

– Я представляю вторую по численности организацию в нашем Союзе после Московской организации. Почему так много людей? Вы знаете, что по Уставу в наш Союз принимают не каждого. А потому что был большой, разнообразный и обильный кинематограф. Это количество, несмотря на страшные потери, которые мы понесли за эти пандемийные годы, оно еще продолжает сохраняться, **как воспоминание о том, что было и о том, что, судя по всему, уже никогда не будет. Я представляю организацию, которая находится в городе, где на сегодняшний день кинематографа нет вообще. Есть фикция, про которую говорил наш Председатель, есть имитация, а кинематографа нет – разгромлены, уничтожены практически все студии, научно-популярные проданы, перестали существовать давно, Студия документальных фильмов, как я полагаю, доживает последние дни. Что там происходит – я не знаю, но делают там какие-то единицы, но в основном там тоже все сдается в аренду. Единственное градообразующее предприятие, которое держало нас всех не на плаву, а в этой жизни, которое позволяло нам жить, теперь не существует, – это то, что называлось киностудией «Ленфильм».**

У нас в государстве две самые охраняемые тайны – это ракета Циркон, как ее делают, и то, кому сдают помещения «Ленфильма». По слухам (мы вынуждены информацией, которая протекает из этих стен), в главном корпусе, выходящем на Каменноостровский проспект, наверное, многие были в нашем городе, и там будет банк ВТБ, его головной офис. Остальные помещения сданы в аренду. Через остатки территорий будут проложены пешеходные торговые улицы. Главный исторический павильон, самый большой, сдан в долгосрочную аренду, и этот процесс продолжается с турбонадувом.

Знаете, на Руси всегда было три несчастья в народе – это пожар, война и моровая язва. Два из этих бедствия наша Санкт-Петербургская организация испытала в полной мере. Когда был пожар, сгорал дом, то сообщество в первую очередь распределяло многочисленную крестьянскую семью по домам, а потом выписывало порубочный билет, и всем миром строили новый дом. И как-то Россия выживала. Но это было только в том случае, когда сгорал дом, а когда сгорала деревня, были и такие, то все пускались по Руси нищенствовать. Вот, что собственно с нами случилось. **Сегодня та делегация, которая приехала на Съезд, это делегация погорельцев – нас лишили всего, несколько тысяч человек.** Эта ракета Циркон, она летит там 9 махов, и я не знаю, что это такое. **А нас лишили будущего, жизни, куска хлеба одним махом.** Мы стали жертвой самого тяжелейшего заболевания власти, которое называется фаворитизм. **Мы стали жертвой небольшого количества людей, которые присвоили себе право говорить от нашего имени, цинично используя звание режиссера, кинематографиста, члена Союза, и решать наши судьбы, блестяще монетизируя нашу репутацию, которую мы и наши предшественники накапливали годами.** Они уничтожат национальное кино. Они не ведают, что творят. Они уничтожат кино! Если вы думаете, что вы отсидитесь в Москве, вы глубоко ошибаетесь. Одно из самых ярких впечатлений последнего времени – это трагедия, которая случилась с семьей Баталова, и не только сама по себе. Замечательная фраза мультипликатора Норштейна, когда к нему подошли журналисты и попросили прокомментировать то, что случилось по поводу этих двух мерзавцев, он повернулся к камере и спросил: «Когда же вы нажретесь?» Имея в виду не только эту парочку, но и всех остальных. Я хочу ответить ему: «Они? Никогда. Они ненасытны». Жор идет по кинематографу. Произошла смена поколений. Посмотрите! Выросли детишки. Их тоже надо кормить. **Один из них сейчас возглавил «Ленфильм».** Когда нам его явили, мы посмотрели в интернете, что это за человек. Его единственное жизненное достижение, что его мама 11 лет работала пресс-секретарем у

Шойгу, когда тот был министром чрезвычайных ситуаций. Все! Оказывается, что этого достаточно, чтобы руководить кинематографом, ибо эта публика умеет только одно – продавать чужое и сдавать в аренду, что с нами и произошло.

Нас во ВГИКе очень хорошо учили замечательные мастера, и нас учили соединять в мозаику факты, дыхание, впечатление, отблески, туманы. Меня совершенно потрясло... Я не могу найти слов по отношению к нашему коллеге. **Вы знаете, за 30-летие строительства капитализма в этой стране в кинематографе было только два режиссера, которых можно назвать народными, потому что их народ любил, это покойный Балабанов и покойный Рогожкин. Когда умер Александр Рогожкин, удивительный совершенно человек и режиссер, очень интересный, с огромной фильмографией, с обостреннейшим чувством совестливости и нравственности я смотрел все каналы на протяжении нескольких дней. Все-все-все! Ни одного соболезнования ни от одного органа власти. Это режиссер, который в самые трудные и катастрофические времена для нашей страны обнадежил народ, согрел его своим творчеством, и народ благодарный растащил его кинематограф на цитаты. Ни одного соболезнования. Катастрофа! В том числе и от Министерства культуры! Соедините эти факты! Был такой поэт Окуджава, он меланхолически напевал песенку со словами: «Римская империя периода упадка: все в докладах хорошо, все в отчетах гладко». Ничего не напоминает? Потому что по отчетам, оказывается, что киностудия «Ленфильм», которая теперь будет точкой притяжения жителей города и туристов, креативным пространством в центре города оказывается, через два года выйдет на самоокупаемость. Правильно, ведь она ничего производить не будет, это будет аренда. Какой цинизм! Какая низость!**

Однажды Никита Сергеевич Михалков цитировал сталинского наркома Орджоникидзе, который говорил, что у каждой накладке, ошибки есть имя, отчество и фамилия. **И у нас есть имя, отчество и фамилия – Федор**

Сергеевич Бондарчук. Это символ кино близости. У нас образовалась группа людей, близких к власти, к самым высотам. При упоминании этих фамилий уста цементируются у чиновников, они леденеют. Вот кто наш губитель. Вот кто довел наш кинематограф до такого состояния, о котором я сейчас говорю.

Я, честно говоря, что делать, не знаю. Я сейчас зачту наше обращение, которое было принято на нашем общем собрании. Это последняя наша надежда – обращение к Съезду. Я знаю, что вы примете его. Я знаю, что вы сочувствуете нам. Я знаю, что переживаете. Я заранее вам благодарен за это. Но пари держу, как говорил генерал Чарнота, ничто все мы вместе взятые, со всеми нашими заслугами, достижениями и так далее против близости, ничто. Однако я зачту с вашего разрешения.

«Уважаемые делегаты, дорогие коллеги. Кинематографисты Санкт-Петербурга, пожилые, молодые, известные всей стране и только начинающие свой путь в кинематографе, обращаются к вам в последней надежде за помощью в нашей борьбе за спасение и сохранение старейшей киностудии России – киностудии «Ленфильм». Наши возможности исчерпаны. Власть нас не слышит, попирая ею же, властью, установленные законные правила, не обременяя себя даже формальными ответами на наши многочисленные обращения. Может быть, случится невозможное и то же Министерство культуры – Российской Федерации, Администрация Президента России услышат объединенный голос всего кинематографического сообщества страны – Съезда Союза кинематографистов. Во всяком случае, мы обязаны обратиться к вам. Такова воля членов Санкт-Петербургского отделения Союза кинематографистов России.

«Ленфильм» погибал долго. Начиная с 90-х годов прошлого столетия, каждый директор студии что-то отсекал от нее, продавал, перепрофилировал. В пресловутых нулевых в результате проведенной за 48 часов сделки студия утратила ровно половину производственных помещений

в центре города на Каменноостровском проспекте. В числе проданных зданий были цех декоративно-технических сооружений, цех комбинированных съёмок, цех съёмочной техники и съёмочный павильон плюс земля под ними и вокруг них. Теперь в этих зданиях бизнес-центр и супермаркет. Сделка была одобрена тогдашним руководством Министерства культуры и Министерства государственного имущества.

Но даже в оставшейся половине жизни еще теплилась, кино снималось. Агония началась в 2012 году, когда во исполнение поручения Президента Российской Федерации о сохранении киностудии «Ленфильм» как национального достояния банком ВТБ под гарантии Правительства Российской Федерации был выделен кредит полтора миллиарда рублей на модернизацию студии, а Председателем Правления Совета директоров был назначен Федор Сергеевич Бондарчук. Бондарчук привел на должность генерального директора Эдуарда Анатольевича Пичугина. Нет смысла в подробном рассказе о том, что происходило на «Ленфильме» за 7 лет правления тандема Бондарчук – Пичугин. Достаточно знать, что если до их прихода к руководству студией долги «Ленфильма» составляли несколько десятков миллионов рублей, то после увольнения Пичугина они достигли двух миллиардов.

Самое печальное и удивительное заключается в том, что человек, которому было доверено выполнение поручения Президента Российской Федерации по модернизации «Ленфильма» и который не справился с возложенной на него задачей, не только остался Председателем Совета директоров студии, но государство оплатило огромные долги, образовавшиеся в результате его в лучшем случае некомпетентности, равнодушии и просто легкомыслии. Безднаказанность, как известно, развращает. Не совладав с модернизацией и возрождением студии, Бондарчук решил превратить ее в пошлый бизнес-центр, для приличия обозначив это превращение, как создание креативного пространства в центре города с элементами кинематографа. Для этого через оставшуюся территорию студии будет проложена пешеходная

торговая улица, а помещения сданы в аренду, в том числе и съемочные павильоны. Все, на этом столетняя история «Ленфильма» завершается. Мы, кинематографисты Санкт-Петербурга расцениваем уничтожение «Ленфильма» как преступление против нашей культуры, кинематографа, против всех нас, работавших и работающих в кино, против нашего зрителя, то есть народа России.

Поэтому мы просим Съезд поддержать нас, и от имени Съезда незамедлительно обратиться в Правительство России с просьбой незамедлительно созвать расширенную коллегию Министерства культуры Российской Федерации как государственного органа, ответственного за национальный кинематограф, с обязательным участием секретариата Союза кинематографистов и представителя Администрации Президента РФ. Коллегия должна быть посвящена обсуждению выполнения поручения Президента Российской Федерации о сохранении киностудии «Ленфильм» как фильмопроизводящего предприятия.

Второе. Мы просим Съезд обратиться к Правительству Российской Федерации с просьбой провести комплексную проверку эффективности расходования кредитных средств и средств субсидий Министерства культуры Российской Федерации, полученные «Ленфильмом», а также проверку текущей финансовой и хозяйственной деятельности, использования имущества киностудии «Ленфильм». Ни разу не было никакого аудита, ни разу.

Третье. Просим Съезд обратиться в Министерство культуры с просьбой остановить сдачу в долгосрочную аренду производственных помещений киностудии «Ленфильм» и другого ее имущества до решения коллегии министерства о судьбе студии».

Это на голосование, это на рассмотрение. А вообще хочу сказать. По моему глубокому убеждению, для того чтобы спасти кинематограф в России, надо вернуть советскую власть, то бишь Госкино. Это записано в документах, называется это государственно-частное партнерство. Надо

сделать так, чтобы Министерство культуры перестало раздавать по неизвестным основаниям бесплатный суп в первую очередь. Это была идеальная система, идеальная система кинематографического производства. Другого пути я не вижу.

И знаете, что еще хочу сказать? Я много лет назад набрал мастерскую и 5 лет вел ее. Это по поводу методов борьбы вот этих людей со своими противниками. Я тогда сказал студентам на первом курсе: «Моя задача подготовить вас к заброске в глубокий тыл противника. И все, что я дам за 5 лет обучения, это карту, компас и штык-нож». Прошли 5 лет и прошли больше. Один из моих студентов написал сценарий и подал на финансирование в Министерство культуры. По их же нормативным актам дебютант обязан иметь художественного руководителя. Естественно, он поставил меня, я его мастер. Ему объяснили, если будет фамилия Снежкин, ты не получишь денег. Он позвонил мне и спросил, что делать? Я сказал, конечно, бери любого, надо снимать. Это глубокий тыл противника. Спасибо.

